

Медведь. - 1994 - апр. (№16), - с. 13

- Роман Григорьевич, существует ли то, что можно назвать вашим стилем? И как вы сами характеризуете то, что в народе называют стилем Виктюка?

- Понятия не имею. Это проблема народа, а не моя. Я думаю, что прежде всего нужно учитывать уровень того, кто стиль определяет. А тут все зависит от образования, культуры, вкуса, мировоззрения и даже принадлежности к той или иной политической партии, от того, где человек воспитывался, что он впитывал в себя, какие "очки" у него на глазах и что у него в голове.

Еще надо учитывать, что в конце века эклектика, то есть смешение стилей, становится основным приемом и главным стилем. В одном спектакле могут быть драма, фарс, комическая порнография, "комедия дель арте", приемы Чарли Чаплина... То есть все то, что подготовил XX век, в конце века фокусируется в одной точке. Видеоклипы, ставшие сейчас как бы основным стилем нашего телевидения, - тоже эклектика. И в архитектуре есть смешение стилей: одно здание может содержать в себе элементы сталинского стиля, и античности, и Возрождения.

Так что говорить сегодня о преобладании одного стиля неверно, узко и ограниченно, потому что сейчас психология, философия, живопись, вокал, декламация, пантомима, хореография - все входит в одну обойму, в одно видение мира. Хаос настолько преобладает в конце XX века, что стал естественным нашим состоянием, а абсурд - нормой поведения. Никто не удивляется, что мы живем в абсурде. Когда во время путча у Белого дома дети играли в классики, а в это время выносили мертвых людей, дети не ужасались, а продолжали веселиться, потому что они занимались другим делом. Смерть даже не вызывает слезы и ужас, и нет ощущения катастрофы. Настолько все разьединены и каждый находится в своем хаотичном движении, что хаос - это воздух, атмосфера сегодняшнего дня.

- Ваши спектакли не всегда понимают даже многие театралы. Но что для вас важно: глубокое понимание немногих или звание народного любимца?

- Если Гамлет сказал, что ему важно, чтобы его понимал только один мудрец, то толпа ему не нужна. Христос кому проповедовал? Народу, что ли? Нет, он никого не собирал на площадях, у него были избирательные структуры: он проповедовал рыбакам и проституткам, в первую очередь. Значит, он знал, с кем общается. Когда в начале века в Париже сыграли "Весну священную" Стравинского, то это музыкальное произведение освистали, его не приняли, в зале была драка. Если бы Стравинский и Дягилев обращали на это внимание, то Стравинский бы вообще перестал писать, а Дягилев отказался бы от русских балетных сезонов в Париже. Так что все это не имеет никакого значения. Если кто-то понимает - замечательно, а если нет - это их драма, их трагедия и несчастье. Или их радость. Может быть, они счастливы оттого что не понимают. У меня нет к ним ни претензий, ни обид.

- То есть ни скандалы, ни непризнание вас не волнуют?

- Не волнуют и никогда не волновали. Залы в Москве, Санкт-Петербурге, за границей переполнены. Даже во Владивостоке, на краю света, куда мы приехали. Мы вообще не думали, что публика будет ходить, а были не только переполненные залы - народ просто с ума сходил. Самое главное, что к нам ходит 70-80 процентов молодежи - это имеет колоссальное значение. Если молодежь не понимает театр, то театр может считать, что он уже не существует.

- Кто был вашим учителем?

- Моим учителем была сама природа. Ведь есть учителя номинальные - те, которые подписывают диплом и отправляют в жизнь, - это одно, а есть то, зачем ты послан сюда, на Землю. Разгадать это назначение на Земле, может быть, важнее всего. И если Вечный Разум отправляет нас на Землю по несколько раз, если наши души несколько раз перевоплощаются и приходят сюда, то разгадать, в чем твоё предназначение при каждом приходе на Землю, - это самое главное. Тем более сейчас, когда разгулявшиеся бесы правят Землей, и зло есть основа, и оно правит бал. Даже Блок в поэме "Двенадцать" не разгадал, что там был Антихрист "в белом венчике из роз", а не Иисус Христос, даже такая тон-

Роман ВИКТЮК

Роман Григорьевич Виктюк, самый, наверно, оригинальный режиссер нашего времени, репетирует новый спектакль - "Полонез Огинского". Думаю, и об этом спектакле будут думать и спорить...

кая нервная организация этого поэта не ощутила подмену, обман. А мы все сегодня живем в этом бесовском действии, в нем участвуем, кто в меньшей, кто в большей степени. И как спасти себя от этого - это и есть ощущение той разгадки, ради чего ты отправлен сюда, и кто твой Учитель - с большой буквы, а не учитель с маленькой - это не имеет значения.

- Политика вас интересует?

- Боже упаси!

Я же говорю, что здесь - это временное явление, здесь я на миг. Еще тратить время на политику...

Когда-то представители горкома партии сказали, что мне нужно все-таки поставить что-то из советской жизни, что было бы хорошо, если бы я нашел пьесу, где были бы хорошие труженики, а вокруг - столы с хорошей пищей... А в это время люди голодали. Я тогда сказал: "Пожалуйста, я хочу поставить съезд партии, открытие, выход руководителей Политбюро, Генерального секретаря - самое начало". Они замахали на меня руками: "Нет,

ше политики и выше всего материального?"

- Искусство никакого отношения не имеет ни к жизни, ни к политике. Искусство определяет жизнь, а не наоборот. И "Лондонские туманы" художника Тернера дали определение "над туманным Альбионом" - от живописца, от его видения, ощущения страны пошло это определение. Если бы жизнь определяла, то не было бы ни красоты, ни духа, ни ощущения вечного.

Абсурд сегодня - норма поведения. Мы все живем в этом. И как спасти себя...

никогда!" Не знаю, что они там себе представили. А я бы сделал очень просто: я хотел только повернуть в зрительный зал стол, за которым руководители сидят, и трибуну. Чтобы зрители видели, что там происходит. Например, у Брежнева был такой аппарат: когда он не мог двигать рукой, а ему нужно было приветствовать депутатов, то он нажимал на педаль, и какой-то механизм поднимал его руку. Я это видел в журнале "Шпигель" - как он на трибуне Мавзолея приветствовал октябрьский праздник. Меня бы интересовало, что делают члены Политбюро, когда они там сидят: лица выражают патристическую преданность партии, родине, народу, стране, а в это время тем, что делают их руки и ноги, расшифровать, что происходит с этими "великими" стариками. Они же все были уже развалины, инвалиды, которые строили из себя героев.

- Да вам бы не дали это поставить...

- Отправили бы сразу в Сибирь. У партийцев нюх звериный на человека, который в стае не свой. Они его моментально пожирают, а методы пожирания у них - от ласки до убийств, от пряника, медали, дачи, звания, принятия к себе в партию - до изоляции от жизни. Но они забывали, что если человек живет внутри себя, в окопе личности, то ему неважно, что происходит вокруг. И цвет флага в этом окопе никогда не определяет мировоззрение человека: сидя в окопе, ты только углубляешься в свое "я", в свою личность. А личность, к счастью, дается до нашего прихода в мир. Жизнь же на земле - это путь обретения свободы.

- Вы считаете, что искусство вы-

- Нет, может быть и народный. Вот Неелова сейчас играет - ее я знаю очень давно, но она не "народная" по линии бездарности и по построению карьеры за счет политических уступок той или иной системе. Она сумела одна из немногих сохранить тот свет, о котором я говорю. Она играет замечательно, мне с ней было очень легко, это просто подарок судьбы, и мы не должны с ней расстаться.

Раньше легко было получить звание, сыграв или Ленина, или Брежнева, или Андропова. Я всех вождей не перечислю, я их плохо знаю. Но вот Ленина сыграть было очень легко. В Ульяновске, например, ЦК партии придумал собрать съезд артистов, которые сыграют Ленина, чтобы это было очень узнаваемо, чтобы буква "р" была, как у Ленина, чтобы жесты были те, о которых Щукину Крупская рассказала, и т.д. Вот они собрали всех этих "Лениных" - человек триста со всей страны. Собрали, они все загримировались, все в одинаковых пиджаках, с одинаковой лысиной, бородой и усами, с одинаковыми жестами и буквой "р". Пришли в какую-то столовую и стали в очередь за пищей. И вот триста "Лениных" получали еду, сидели за столами, и каждый артист перед другими изображал, что он стопроцентно попадает в мимику, жесты, поведение, внешность Ленина...

Нет, о Ленине надо иначе. Вот Герберт Уэллс, который в пьесе Погрина "Кремлевские куранты" приходит к Владимиру Ильичу. Я задумался: у вождя целый день заботы, экономика, идеология, культура, Инесса Арманд с Надеждой Крупской, там где-то Роза Люксембург страдает. От всех забот этого человека у него жуткая к концу дня мигрень, и он уже ничего не соображает (у него же потом все-таки мозг заболел от этого напряжения). Если разгадать: вот сидит Уэллс, а он не понимает даже, что тот говорит, он его просто не слышит, потому что в глазах темно и у него единственное желание - пойти поспать. А он выполняет государственное задание. Вот то, как отключался мозг Ленина во время диалога с Уэллсом, меня бы интересовало. Это был бы гротеск, абсурд... За этим стоял бы человек, который не сам, а, по-видимому, дьявольским началом был выдвинут на эту роль. Он был колоссальной жертвой. И так же было бы интересно сыграть Горбачева...

- Вы считаетесь с мнением актеров, когда рассматриваете мизансцену или сам спектакль, как они бы это сыграли или хотели бы сыграть?

- А зачем?

- Возможно, они представляют его себе иначе.

- Ну и пусть себе дома представляют. Чайковский написал "Шестую симфонию", а придет дирижер или скрипач и скажет: "Нет, я хочу тут играть по-другому". Но как? Актер не просто воспринимает все так же, как я, - он моя часть. Иначе нет того родства, той группы крови, когда ты одинаково дышишь, ощущаешь и одинаково плачешь и смеешься.

- Считаете ли вы, что спектакль должен изменить зрителя?

- Искусство никогда ничего не меняло. Если можно говорить о том, что искусство спасает, то только в том смысле, что оно отвлекает, оно красотой, светом отводит в сторону от хаоса.

Сейчас никто не хочет смотреть спектакли о том, что мы на краю бездны и что жить нельзя, лучше всего умереть и слышать только погребальный звон. На эти спектакли не ходят. Ходят на те, где свет артистов на сцене распространяется на зрителей. Тогда есть магия, воздействие, но никто никого ничему не учит, не перевоспитывает, а только фибры твоей души зажигают в зрительном зале тот свет, которого тебе не хватает. Но это все происходит за счет траты своего здоровья, энергии.

- То есть ваша энергия как бы передается зрителям?

- Она не только передается, но происходит взаимообогащение зрительного зала и сцены. Над зрителями образуется тот купол, в котором организмы артистов и зрителей светятся одинаковым светом, одинаково вибрируют. И если этого не понять, то сегодня искусства быть не может. Искусство - это свечение, трата своего здоровья и энергии ради света других людей. Но это и взаимообогащение, как в любви. Любовь движет всем!

Беседовала Дарья ЛИТВИНА.

Фото В. АХЛОНОВА